

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА РОМЕРО

18+

ПОКРОВИТЕЛЬ

ДЛЯ АНГЕЛА

СОБСТВЕННОСТЬ БАНДИТА

Екатерина Ромеро
Покровитель для Ангела.
Собственность бандита
Серия «Покровитель
для Ангела», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098181
SelfPub; 2023*

Аннотация

Еще юной девочкой я влюбилась в опасного бандита намного старше меня. Он берег меня, а потом сломал как тростинку не поверив, но хуже другое: теперь он решил, что я его собственность. Большая разница в возрасте Криминал 90-е Мат Откровенно, больно, запретно. Строго 18+ Вторая книга цикла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Екатерина Ромеро

Покровитель для Ангела.

Собственность бандита

Глава 1

Подхожу к подоконнику и осторожно беру в руки маленького фарфорового ангела. За весь этот месяц я так и не смогла к нему прикоснуться, хоть и очень хотела. Мне почему-то казалось, что обожгу руки, ведь этот ангел от него. Это мой подарок мужчине, который оказался ему таким же ненужным, как и я.

Замечаю, что крылышки ангела сломаны, но склеены. Усмехаюсь: вот и мне бы склеить, да только не склеивается. Раны на спине глубокие, до самого позвоночника уже достали, порезали сердце.

Я часто плачу. Иногда ору в стену о том, как сильно ненавижу Бакирова, а потом реву белугой. По нему. По нам. По тому, что все так... Странно. Я всегда думала, что рациональна, собранна и никогда не влюблюсь, но, похоже, это не так. Сама того не замечая, я отдала свое сердце взрослому мужчине, который его поломал. Своим неверием растрожил на кубики, а теперь они не склеиваются, и, как я ни стараюсь,

я не могу унять эту боль.

Дни в больнице идут быстро. Как копии один другого, безликие серые клоны. Поначалу я горю от обиды, очень часто плачу, однако после все стихает, сменившись жуткой тоской.

Я не вижу Михаила все это время. После того нашего разговора он больше ни разу не пришел ко мне в больницу. Кажется, Бакиров исполнил мое желание. Если честно, я не помню всего нашего последнего диалога. Все в тумане. Помню только, что мне было дико больно и я так сильно плакала. Я умоляла его уйти, и он ушел. Михаил оставил меня одну, и теперь каждый день в больнице для меня такой же серый и безликий, как и стены моей палаты.

Меня лечат, кормят, делают перевязки на груди. Люда приходит ко мне практически каждый день, но ЕГО нет, хоть я и думаю о Михаиле постоянно, каждую минуту, каждый миг.

Эта страшная болезнь под названием “Михаил Александрович”... казалось, что она прошла, но нет. Она прогрессирует во мне и тлеет, как пламя, и я горю. Я обгораю так быстро, даже не успев толком согреться об него.

Моя первая любовь к опасному мужчине вдвое старше меня оказалась настолько острой, что воткнула в меня свои кривые шипы, едва я успела ощутить ее запретный вкус.

– Готова? Давай помогу. Осторожно.

Меня выписывают сегодня, лечащий врач уже принес лист рекомендаций. Анатолий перехватывает небольшой пакет с

вещами из моих рук, открывает тяжелую дверь. Я прижимаю все еще загипсованную руку к себе и выхожу из палаты.

Анатолий бывал у меня часто, за это время он стал мне старшим братом, которого у меня никогда не было, а его жена Люда сестрой. Они единственные, кто навещали меня, кто приносил мне вкусные апельсины и горячую еду, одежду и даже обувь. Настолько уязвимой, как сейчас, я еще в жизни не была, и это жутко. Понимать, что у тебя нет ничего, даже своего паспорта или расчески, банальной резинки для волос и той нет. Все забрал огонь, чертовое пламя сожрало все вместе с моим сердцем.

– Спасибо вам, Анатолий.

– Можно просто Тоха и на “ты”. Сто раз уже говорил. Пошли.

– А Люда не придет?

– Нет. УЗИ сегодня.

Анатолий немногословен, но этого вполне достаточно. Я не донимаю его вопросами, я просто знаю, что он не обидит, хотя все равно чувствую себя жутко скованной в его присутствии.

Не знаю, что случилось со мной за это время, но мне почему-то становится плохо, когда рядом со мной мужчины. Почему-то мне кажется, что любой из них может сделать мне так же больно, как сделал Бакиров. Это очень странно, и мне стыдно об этом говорить. Я чувствую себя дико неловко,

путь даже сейчас рядом со мной Толик. Он тоже мужчина, а значит, тоже может сделать больно.

Выходим на улицу вместе, и впервые за этот месяц я вдыхаю свежий летний воздух на полную. Немного кружится голова, и я чувствую, как меня под руку сразу подхватывает Анатолий.

– Так, не падать! Идем. Машина по прямой.

– Спасибо.

Поднимаю голову и на больничной парковке вижу автомобиль Анатолия. Что-то сразу неприятно колет в груди. Там, где мой шрам, где мое измученное сердце. Это не та машина, которую я ожидала увидеть, хотя что ей тут делать, что ему тут делать...

Вопрос крутится на языке. "Где ты? Неужели забыл обо мне так быстро?" Где же он? Но я молчу. Если бы он хотел узнать, как я, то сейчас был бы здесь, а так, наверное, ему просто все равно.

За спиной мелькают тени, но Анатолий делает вид, что никого нет. Я же узнаю этих мужчин. Они не подходят ко мне, но все это время были в отделении, где я лежала. Мне кажется, это Толик нанял их, чтобы охраняли Люду, ведь она беременная и часто ко мне приходила, а после того, что случилось, ему важна ее безопасность, но есть еще кое-что: мне кажется, я начала сходить с ума, потому что, просыпаясь в палате, каждое утро я слышала запах кофе и сигарет. Это был точно ЕГО запах.

Точно такой же, хоть и знаю, что Михаил ко мне ни разу не приходил. И не звонил. Сначала я думала, что мне показалась, а потом просто заставила себя поверить в то, что мой мозг обманывает меня и создает иллюзию того, чего нет и быть не может.

Наверное, я просто безумно скучала по нему и хотела увидеть хоть раз. Даже после всего. Ненавидела, обижалась, тосковала и проклинала, а после звала. Как побитая собака все равно зовет хозяина, так и я звала своего Михаила, своего защитника и покровителя, которому, похоже, после всего я оказалась просто не нужна. Грязная, сломленная, наивная девочка. Я не нужна больше никому в этом мире, в считанные дни я оказалась без крыши над головой, без его покровительства, денег, работы и учебы, с пробитой дырой в груди.

Сейчас я словно потерялась и не могу собрать себя. Меня раздробило, и, как я ни пытаюсь, я не могу собраться, не могу встать на ноги.

– Все нормально, Лин? Ау!

Толик щелкает пальцами у меня перед носом, и я коротко ему улыбаюсь.

– Да. Все хорошо. Задумалась просто.

У меня все хорошо. Все хорошо, хорошо, хорошо!

Сколько раз я себе это уже повторила, пытаюсь в это поверить, заставляя поверить в это Толика и Люду. Они поверили, а я... все еще пытаюсь.

В последние дни я научилась скрывать от них свои эмо-

ции, научилась даже улыбаться, потому как мне надоело видеть на их лицах боль. Они ждут ребенка, и я честно не знаю, почему они мне помогают, а тут я еще со своим пробитым сердцем и дырой в груди. Не хочу быть им проблемой, и так уже отняла слишком много их сил, и я вообще не понимаю, почему они со мной возились.

– Садись. Можно на переднее сиденье.

Толик помогает залезть в машину, потому как я со своим гипсом с трудом открываю дверь. Врач сказал, что кости срастаются, но еще нужно время. Жаль, что правая рука, хотя... я никуда не поступила, а значит, ручку держать не придется.

– Держи вот еще. Должно хватить на первое время. Будет еще что нужно, скажи, привезу.

Открываю пакет. В нем явно новые брюки и свитер, кроссовки, пара маек и белье, зубная щетка, а главное, документы. Достав их, вижу восстановленный паспорт, аттестат, бумаги на мою квартиру.

– Не знаю, что сказать. Спасибо.

Ловлю серьезный взгляд Анатолия и резко опускаю глаза, чтоб не заплакать. Корю себя. Я обещала быть сильной. Все хорошо. У меня все прекрасно.

– Да не за что на самом деле. Лин, ты это, не вешай нос. Я помню, как ты к нам в клуб впервые пришла. Такая боевая была, мы все тебя боялись! Даже Хаммера приструнила. Давай не кисни мне тут. Все у тебя будет путем. Увидишь.

– Ага.

Усмехается, и я вместе с ним и коротко киваю.

Я тоже себя помню два года назад: наивная бесстрашная дурочка, которая не побоялась пойти к взрослому бандиту за помощью. Я помню все до мелочей: когда впервые увидела Михаила, когда он впервые меня коснулся, впервые поцеловал.

Кажется, это было так давно, а болит до сих пор. Черт. Дурацкое сердце, хватит болеть!!!

Ненавижу. Себя уже ненавижу за это. Слабая. Слабачка настоящая! Бакиров был прав. Он всегда был прав, называя меня наивной дурочкой. Я и есть дурочка, потому как все еще не могу забыть. Не могу вырезать его из памяти, как ни старалась.

Там он живет, он всегда там есть и будет. Моя болезнь. Мое проклятье. Моя боль. Моя жестокая первая любовь.

В пакете нахожу еще деньги. Крупные купюры, и тут становится уже не по себе.

– Анатолий, я не возьму деньги. Я и так вам с Людой должна много. Не хочу увеличивать свой долг. Возьмите.

Протягиваю ему купюры, но Толик даже голову не поворачивает.

– Нет у тебя никакого долга. Забудь.

– Есть, я же не маленькая, я все понимаю. Моя операция и медикаменты... Еда, уход. Я знаю, это наверняка очень дорого, я же была в отдельной палате. Анатолий, у меня нет де-

нег оплатить это все сейчас, но я отработаю. Я скоро устроюсь куда-то...

– Забудь, сказал же! Оплачено уже давно все, – резко обрывает, нажимая на газ.

– Оплачено? Кем?

– А ты не догадываешься? Бакир оплатил все до копейки. Вся твоя еда, уход, медикаменты и даже эти шмотки.

Одно только упоминание о нем заставляет вжаться в кресло и с силой схватиться за ручку двери. Становится трудно дышать, все плывет перед глазами.

Глава 2

– Нет... нет, нет!!!

– Тих, тихо, спокойно!

– Почему вы позволили? Почему?!

– Успокойся! Бакир как бы не спрашивает у меня разрешения, и он все давно уже оплатил.

Пазл складывается быстро, и в груди до боли сжимается сердце. Я ему и тут буду должна, меня лечили на деньги Михаила.

– Мне ничего не надо от него! Я все отдам, все до рубля верну!

– Сама об этом ему скажешь. Доедем скоро.

– Что? Куда доедем?

Волна страха разливается в груди. В один миг Толик больше не кажется мне таким “безопасным”, как был до этого. Он ведь его лучший друг. Не мой. У меня нет никого. Совсем.

– В клуб. Там хоть поешь нормально. Аж светишься вся. Алена тебе горячего даст, потом на квартиру отвезу. Сняли на год, дальше будет видно.

Быстро мотаю головой, понимая, что это ведь тоже ОН оплатил, а быть ЕМУ еще больше должной я не хочу.

– Не надо в клуб. Пожалуйста! Не надо!

– В смысле? Это почему?

– Я не поеду туда. Пожалуйста, отвезите меня домой!

Ведь там он, а я не хочу Бакирова видеть, я боюсь его видеть, хоть и думаю о Михаиле постоянно. Думала, пройдет, но не проходит. Хуже только становится. Этот месяц я не видела его, но почему-то, когда просыпалась, всегда ощущала его запах в своей палате. Это очень странно. Очень.

– Куда домой? Сама знаешь, пожар же был.

– Мне все равно. Я справлюсь! Там наверняка что-то осталось из мебели, приберусь, устрою все, соседка мне поможет, у нее есть ключи от моей квартиры. Я не хочу в клуб. Не поеду!

– Уверена?

– Да.

– Ну хорошо, как знаешь.

Теперь едем почти молча. Я все прикидываю, сколько должна Бакирову за лечение. Огромную сумму, судя по тому, сколько лекарств мне давали, какой сложной была операция и в каких королевских условиях я лежала.

В отдельной огромной палате с личной сиделкой. Ко мне даже врач стучался, тогда как остальные пациенты лежали по шесть человек в одной облезлой палате.

Странно. Как резко ощущается необходимость комфорта, когда напрочь его лишаешься, когда остаешься без вещей, без дома и документов, когда просто... теряешь почву под ногами и кажется, что потрескалась земля.

Пока едем, Толику дважды звонит Люда и он торопливо отвечает. Счастливые они. Аж сияют оба. На безымянном

пальце Анатолия замечаю аккуратное золотое кольцо.

– Вы уже поженились с Людой?

– Да. Расписались без свадьбы.

– Я рада за вас. Правда.

Зависти нет, говорю честно. Пусть будут счастливы, они заслужили, в отличие от меня, которая только и умеет, что врать, скрывать правду, не рассказывать о том, о чем стоило сразу рассказать.

Анатолий довозит меня прямо до подъезда. Выйдя из машины, беру этот небольшой пакет вещей, прижимаю к себе, понимая, что вот теперь я и правда одна и все, что есть у меня, – этот небольшой пакет и документы.

– Спасибо, что довезли. И в целом спасибо, Анатолий.

– Лин, ты можешь приходить на старое место, будешь рабoтать, если хочешь. Никто тебе слова больше поперек не скажет. Все знают, что ты не виновата была.

– Я бы никогда вас не предала. Ни за что. Честно.

– Знаю, Лин. Знаю. Ты это, не дури, давай в клуб. Покормим тебя нормально. Ты не переживай за деньги. Не думай даже об этом.

– Я бы не выжила без вашей помощи. Спасибо, но в клуб не поеду.

– Там в пакете телефон есть. Звони, если что надо будет, ладно?

– Хорошо. Я поняла. Спасибо.

Закрываю дверь машины, Анатолий сразу уезжает, а я поднимаюсь на свой этаж. Сразу стучусь к соседке, но она не открывает. Постояв под ее дверью еще пару минут, осознаю, что ее попросту тут нет, и как теперь я попаду к себе, вообще непонятно.

У меня нет ключей, даже запасных. Все утеряно, блин, надо же было это предвидеть.

Подойдя к двери своей квартиры, чисто машинально нажимаю на ручку, и дверь сразу поддается.

Тут открыто, и, присмотревшись, я вижу, что замка в двери даже нет! Его выбили чем-то, что почему-то меня даже не удивляет. Тут нет хозяев уже больше месяца, а сама квартира после страшного пожара, однако то, что я вижу, превышает даже мои опасения.

Все стены черные, обгоревшие, страшные. Окна выбиты, даже батарей нет и паркета. Я вижу только его кусочки, остальное сорвано, мебели нет, даже книжных полок. Кажется, все вынесли, меня встречает пустая квартира, безликая, сломленная, обгоревшая до костей, хотя мне тут комфортно. Она такая же, как и я. Это мой дом, пусть такой теперь, но у меня нет иного.

Пройдя в гостиную, замираю на пороге. Какие-то бутылки из-под пива в углу, словно здесь кто-то ночевал, и нет ни одной моей вещи или вещи мамы. Ни одной фотографии, книги, тарелки – нет ничего.

Боже, видела бы мама, что я сделала с квартирой, умерла

бы снова. Я все потеряла, и я сама виновата в этом.

Подойдя к двери гостиной, осматриваю небольшую щель в ней. Там была моя самая большая заначка, но теперь здесь пусто. Все сгорело, а то, что не сгорело, уже давно вычистили, а значит, у меня нет денег, кроме тех, которые дал Анатолий.

Я не помню точно, сколько насобираала за время работы у Бакирова, но тех денег мне бы точно хватило на все годы учебы и безбедного студенчества. Я мало тратила, собирала, но теперь никаких денег нет. Все сгорело, у меня нет ни копейки, и кажется, я вернулась в самое начало, когда у меня не было денег даже на булочку в школу, когда я сэкономила на обедах, чтобы хватало на проезд.

Мебели нет, поэтому я просто стелю себе пакет на пол и сажусь на него, опираясь о стену спиной. Рядом на пол ставлю фарфорового ангела. Похоже, это единственное, что осталось у меня, и почему-то с ним мне не так страшно, но смотреть на него больно.

На улице начинает темнеть, я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться. У меня нет плана, нет друзей, нет родственников. Я пропустила вступительные экзамены. Как раз в тот день Михаил выгнал меня, после моя квартира сгорела, а потом начался мой персональный ад.

Я не уберегла ни вещи, ни саму себя, но хуже всего, что я душу не уберегла. Сердце свое отдала тому, кому оно оказалось ненужным, кто его не хотел, кто, я думала, тоже любит,

как и я, но нет.

Я сделала то, чего делать было нельзя, я полюбила взрослого мужчину, бандита, как называла его моя соседка. А она ведь права тогда была, предостерегая меня, а я не слушала. Я думала, что все в этом мире хорошие, люди добрые, люди умеют доверять, но нет. Я обожглась так сильно, что теперь не могу отойти от этой боли, но хуже того, что я полюбила того, кто не поверил мне. Кто меня наказал и кто, наверное, меня до сих пор ненавидит.

Я знаю, потому Михаил не приходил ко мне. Потому что я грязная для него теперь. После всех. Я, может, и наивная, но не настолько глупа, чтобы не понять, что тогда случилось со мной. Я много думала об этом и каждый раз ревела, не в силах это принять.

Я так не могу, я так не умею. Мне плохо оттого, что меня касался кто-то кроме него, а теперь даже сам Михаил брезгует ко мне подойти.

Я сломанная кукла. Я больше никому не нужна, и я должна была умереть. Боже, как же сильно я тогда этого хотела. Первые дни в больнице прошли как в тумане. Мне что-то кололи, и я много спала. Иногда я просыпалась ночью и слышала его запах. Один раз даже хлопнула дверь, едва я распахнула глаза. Врач потом говорил мне, что это был сон, и я поверила. Михаил не мог прийти ко мне. Я ему теперь противна. Я знаю, потому как теперь я противна даже сама себе.

Прикладываю ладонь к ране на груди. Она почти зажила

уже, но гипс на руке еще не сняли. Немного нажимаю на шов, нащупываю сердце. Стучит. Ну почему ты еще стучишь?! У меня ведь не только квартира сгорела, у меня сгорело сердце.

Наступает ночь. Желудок урчит, но я не поднимаюсь. Зачем кормить тело, душа которого уже не хочет жить. Да и чем кормить? У меня нет ничего. Зря только медикаменты на меня тратили. Лучше бы помогли тому, кто действительно этого заслуживает.

Обхватываю себя руками. В квартире темно и холодно. За окном начинает стучать дождь. Я просыпаюсь оттого, что хлопает входная дверь и тяжелые шаги раздаются по коридору, а после и в гостиной.

Глава 3

То самое чувство, когда встречаешь хищника, зная, что бежать некуда. Он везде догонит и раздерет. Огромная тень подходит ко мне, и я резко вскакиваю с пола, слишком резко, чтобы почувствовать сильную боль в груди.

– Кто тут? Не подходите!

– Дверь надо запирасть.

Узнаю его очень хриплый прокуренный голос за секунду, и сердце заходится в сумасшедшем ритме. Из горла вырывается всхлип, грудь мгновенно сковывает жестким обручем с шипами.

– Ты...

Крупная фигура выходит из тени, и в свете фонаря я вижу Михаила. Такой высокий, широкоплечий, большой. Весь в черном, как обычно, на левой руке блестит золотой перстень, а мне дышать становится сложно с ним рядом.

Невольно пячусь назад, смотря прямо на него. Во рту пересыхает, неистово колотится сердце. Мне страшно. Бакиров точно как медведь. Такой большой, и я знаю, насколько сильный. Как больно умеют делать его руки, особенно если в них ремень.

Бросаю взгляд на него, и грудь прокалывает иголками яда. Он как-то изменился и теперь выглядит еще более опасным.

Черные густые волосы назад уложены, выбриты на висках, отросшая густая щетина, в темно-карих глазах с зеленой радужкой отражается мой страх. Когда-то его глаза меня с ума сводили, а теперь мне страшно на Михаила смотреть. Кажется, будто дрожит каждая клетка в теле.

При этом Михаил по-прежнему невыносимо красив, хоть красота эта такая мужская, неотесанная, грубая, агрессивная, дикая.

– Что тебе нужно? Не подходи!

Отступить некуда, Бакиров идет прямо на меня тяжелым шагом, и вскоре я оказываюсь в самом углу комнаты. Он загнал меня в него, я машинально обхватываю себя руками, пытаюсь защититься, хоть и понимаю, что это ничем мне не поможет.

Замечаю у бандита на крупной ладони черные четки с острыми краями. Они намотаны ему на руку несколько раз, и я вижу, как сильно впиваются в кожу. Острые камешки точно как шипы, это должно быть очень больно, но Михаил даже глазом не ведет, сжимая эти четки все сильнее.

– На этом спать собралась?

Он кивает на пакет, на котором я сидела, и желваки на его челюсти начинают играть сильнее. Строгие губы поджимаются, а мне невыносимо смотреть на него, мне больно физически. Обида сильно давит на горло, но я стараюсь не выдавать своего волнения рядом с ним.

– Да.

Михаил сжимает руки в огромные кулаки. Ладони татуированные, когда-то я обожала прикасаться к его тату, но теперь они вызывают во мне какой-то страх, и я не могу это прекратить, мне страшно смотреть на него, страшно, когда он рядом и так смотрит на меня, что по коже бегут муравьи.

– Почему с Тохой не поехала на квартиру?

– У меня есть свой дом.

– В котором нет даже замка в двери?

– Я куплю замок, позже. Уходи, Михаил, пожалуйста. Я верну тебе деньги за лечение. Заработаю и все верну. Честно.

Не замечаю даже, как голос снижается и начинает дрожать, потому что Бакиров сейчас смотрит прямо на меня так страшно, что начинают трястись коленки.

Ощущение такое, что он меня сейчас ударит, размажет по стенке, один только гипс останется.

Да, точно. Кажется, он пришел за деньгами. Такие, как Бакиров, ничего не делают просто так. Он пришел за долгом.

– Вставай. Поехали на квартиру. Ночевать ты здесь не будешь.

– Я не поеду с тобой никуда... – отвечаю одними губами, чувствуя спиной холод стены и смотря на него снизу вверх. Сердце колотится в груди, шрам даже жечь начинает. Мне больно, когда Михаил рядом, мы за этот месяц стали чужими, и я не знаю, чего от него ожидать теперь. После всего.

– Не заставляй меня повторять дважды, Ангел.

– Не называй меня так. Не надо.

– Или сама выйдешь отсюда, или я вынесу тебя отсюда на руках. Ангел.

Михаил стоит так близко, что я невольно вдыхаю его запах. Muskus, сигареты и крепкий кофе – мой личный эфир, мой персональный яд.

Каждая жилка трясется от его присутствия, я вжимаюсь в стену, хочется слиться с ней, спрятаться от этого огромного бандита за бетонной стеной, и я понимаю, что, если сама не выйду, он коснется меня, а вынести это я не смогу.

– Хорошо. Я сама. Не касайся.

Жду, когда Бакиров отойдет от меня, осторожно наклоняюсь и подхватываю свой пакет с вещами, беру статуэтку ангела, прижимаю к груди.

Михаил открывает мне дверь, и мы вместе выходим на улицу. Я замечаю припаркованный у самого подъезда черный джип. Новый, не такой, какой был до взрыва. Этот чуть больше, с металлическими ручками.

– Садись, – бросает коротко, и я осторожно забираюсь в салон. Бежать нет смысла, я слишком слаба после больницы, да и Бакиров везде меня догонит. Мы уже знаем разницу в нашей силе, я прочувствовала это на своей шкуре.

Михаил садится за руль и резко срывается с места, тогда как я нервно прижимаю к себе пакет с вещами. Мне дико не по себе. Бакиров смотрит на дорогу, а я невольно на профиль его поглядываю, на крепкие руки в татуировках, золотой перстень на руке.

Я не видела его этот месяц. Я не знала, что с ним и как он жил. Судя по тому, что Михали ни разу не приходил ко мне, ему неинтересно, что со мной, и я не понимаю, почему тогда он приехал за мной.

На улице ночь, везде темнота, кое-где слышатся крики, и мне становится не по себе. Внутри беспокойно.

Дурочка. Не надо было вот так просто садиться к нему в машину, даже не попытавшись сбежать, позвать на помощь. Бакиров мне вовсе не друг, он... мой покровитель, на которого теперь я даже смотреть опасаясь.

Набираю побольше воздуха, сильнее вжимаясь в дверь и стараясь как можно дальше от него отодвинуться. Едем минут пятнадцать в скрипучей тишине, и я начинаю нервничать сильнее, когда с городской трассы Михаил резко сворачивает на проселочную дорогу, и я знаю, что там нет никаких квартир. Там вообще нет ничего, кроме леса.

– Куда мы едем?

Михаил молчит, и я понимаю, что сглупила. Я села в машину к мужчине, который может сделать со мной что угодно, реально все.

– Что ты делаешь? Здесь нет квартир, ты разве не туда меня везешь?!

– Нет. Я передумал, – чеканит строго, ускоряя движение, а меня мгновенно накрывает дикая паника, обручем сдавливая горло.

Резко тянусь к ручке двери, но тут же слышу щелчок. Ба-

киров закрыл все замки в машине. Он поймал меня, как птичку, в ловушку своих жестоких лап, и я даже не представляю, куда он меня везет ночью.

Глава 4

– Выпусти! Пожалуйста, останови машину!

Ошалело дергаю за ручку двери, понимая, что в этом нет смысла. Боже, куда он меня везет, что сделает? Неужели будет снова мстить, снова сделает больно...

Мне кажется, я совсем Михаила не знаю и не знала раньше, весь сейчас он как из камня выточен. Сосредоточен и серьезен, и похоже, Бакиров совсем не собирается отвечать на мои вопросы, тогда как паника накрывает меня в считанные секунды.

– Не кричи.

Вцепляюсь в свой пакет пальцами, помня о том, что там есть телефон. Я должна позвонить куда-то, попросить помощи, уйти, убежать, скрыться от него. Дура, дура, дура! Надо было с Толиком ехать, он бы отвез меня на квартиру, хотя... Бакиров же тоже знал бы о ней, он бы меня везде нашел.

Вздрагиваю, когда Михаил тянется огромной татуированной рукой к стерео и включает музыку. Блатной шансон, половины слов которого я не понимаю. Когда машина съезжает с трассы, попадая на грунтовую дорогу, я сжимаю кулаки, стараясь сохранять спокойствие. Знаю, что мои просьбы или слезы никак не подействуют на Бакирова, поэтому я должна быть спокойной.

Машина заезжает в поселок, расположенный у самого ле-

са, и через пару километров мы попадаем на большую территорию с высоченным каменным забором под три метра. Строение напоминает какую-то крепость, а не дом, и я еще сильнее удивляюсь, когда через миг мы заезжаем в черные кованые ворота, оказываясь в огромном дворе, и я вижу дом. Хотя домом это назвать трудно. Какой-то каменный замок, двухэтажный, высокий, с большой входной дверью и огромными окнами на всю стену. Остальное не успеваю разглядеть, потому что во дворе темно и дрожь то и тело пробирает меня до костей. Мне не холодно. Мне до чертиков страшно оказаться здесь с НИМ.

Бакиров паркуется и выходит, обходит машину и открывает дверь с моей стороны, заставляя откинуться от него как можно дальше.

– Выходи, Ангел.

– Что это за место?

– Мой дом. Выходи.

– Я не пойду никуда с тобой! Я хочу к себе домой. Мне нужно домой!

Чисто на автомате дергаюсь, когда Михаил резко поднимает руку. Да, теперь я боюсь его, каждое его движение мне кажется опасным. Я не знаю, почему так. Просто мне думается, что он может ударить, хотя сейчас он просто потянулся к сигаретам, и, когда увидел мою реакцию, его взгляд стал еще более серьезным.

Михаил закуривает и глубоко затягивается, пока я так и

сизжу в салоне. Я боюсь выходить, этот дом и территория не сулят мне ничего хорошего, и главное, я не знаю, что ему нужно от меня.

— Значит, так, девочка. Или ты выходишь сама, или я тебе помогаю. Третьего варианта нет.

Медленно выдыхает, выпускает дым через нос, а я взгляд опускаю. Не могу прямо смотреть на него, но и злить медведя не собираюсь.

Осторожно выбираюсь из машины, прижимая руку в гипсе к себе. Поднимаюсь по высоким ступенькам к входу, Михаил идет впереди и открывает дверь ключом. Когда я вхожу, застываю на пороге. В доме красиво. Так много места, вещи простые, но выглядят очень дорого. У нас таких не было в квартире, чтоб все кожаное или обитое дорогой тканью, настоящее дерево, кажется, дуб.

— Там кухня, гостиная, туалет, наверху спальня. Располагайся.

Почему-то при слове “спальня” я вся напрягаюсь. Дышать становится трудно, и я коротко киваю. Не хочу с ним спорить, я боюсь разозлить Бакирова, и я все еще не знаю, почему он привез меня сюда.

Михаил кладет ключи от дома и машины в прихожей и сразу идет в душ, тогда как я прохожу в гостиную и сажусь в кресло. Напротив еще диван и огромный незажженный камин. Я такие только в кино видела. Наверное, он очень красиво горит. Рядом замечаю ворох дров, но, похоже, камин

очень давно не разжигали.

На стол осторожно ставлю ангелочка. Мне лучше, когда он рядом, сама даже не знаю почему.

Убедившись, что Бакиров меня сейчас не слышит, достаю телефон из пакета, быстро набираю Анатолию. Знаю, что уже глубокая ночь, но он единственный, кому я могу позвонить.

Больше нет никого, кажется, только сейчас я полностью осознаю, насколько я одинока. У меня нет родителей и родственников, братьев, сестер, друзей. У меня был только мой Михаил, точнее, уже не мой.

– Алло... – сонный голос Анатолия заставляет сжаться внутри и увидеть, что уже три ночи.

– Толик, вы можете приехать, пожалуйста?

– Лина, ты? Что случилось?

– Толь, что там такое?

На фоне слышу голос Люды. Конечно, я их разбудила.

– Михаил. Он меня забрал, он...

Приходится резко выключить вызов, потому что я слышу, как закрывается дверь душа, и через секунду выходит Михаил. В черной майке и штанах, с мокрыми волосами, с которых еще стекают капли воды.

Быстро поднимаюсь, не знаю, что делать и как реагировать на него. Никакой защиты и оружия у меня нет, да и глупо это. Я знаю уже, какой он сильный и что может сделать в гневе на меня.

– Хочешь принять душ?

– Нет, я очень устала и хочу спать.

Вру. Я не устала и спать не хочу, я хочу, чтобы он ушел, чтобы сделать нормальный вдох за все это время. Михаил сканирует меня пристальным взглядом и коротко кивает. Я же замечаю, что он так и держит те острые четки, намотанные на руке.

– Иди ложись в спальне. Завтра поговорим.

– Я тут хочу лечь. Мне тут удобнее.

Вот это уже правда. Идти в спальню я не могу, ведь наверняка это его комната, а быть так близко с Михаилом я не готова. Мне страшно, когда он рядом. Я не могу это объяснить, и еще я вижу, как он смотрит на меня. Как-то очень страшно, у меня мурашки бегут по коже от его взгляда, и хочется скрыться от него ширмой.

– Без глупостей, Ангел, – чеканит строго и уходит наверх, а я опускаюсь на диван. От нервов пульсирует в висках и немного жжет рана на груди, но сейчас я настолько напряжена, что не смогу даже сделать перевязку, да и нечем, собственно.

Люда должна была принести мне новые бинты, но ее сегодня не было, а Толика попросить я постеснялась. Швы на груди мне уже сняли, но рана все еще красная, и ее нужно смазывать мазью. Ладно, об этом подумаю позже, сейчас мне нужно... нужно подумать, как спастись из этой медвежьей берлоги.

Я просыпаюсь в семь утра на том же диване, укрытая оде-

ялом до подбородка. Не помню, как его брала и откуда оно вообще взялось. Быстро поднимаюсь и проверяю себя. Не знаю почему, просто хочу убедиться, что он меня не тронул. Я в одежде, все нормально... за исключением того, что я в огромном доме Бакирова.

Откинув одеяло, осторожно поднимаюсь и подхожу к выходной двери. Мне нужно уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше.

Нажимаю на ручку и тут же слышу за спиной низкий хриплый голос:

– Далеко собралась?

Резко оборачиваюсь. Слишком резко для того, чтобы закружилась голова и я пошатнулась. На предплечье тут же чувствую его руку, и разряд оголенного тока вперемешку со страхом проносится по венам. Больно.

– Не надо!

Глава 5

– Пусти!

Отшатываясь от него, Бакиров убирает руку, а мое тело пробирает дрожь.

– Ты чуть не упала.

– Не упала я! Я хочу уйти!

– Тебе некуда идти.

– Есть! Я не хочу быть здесь. У меня есть дом!

Михаил сканирует меня строгим взглядом с высоты своего роста, а я голову поднимаю, стараясь выглядеть смелой и не выдавать своего дикого волнения перед ним.

– Те четыре стены обгорелые домом не считаются.

– Мне все равно. Это мой дом. Дай мне уйти! Я не хочу быть здесь!

Быстро распахиваю дверь, но он руку кладет на нее, и дверь захлопывается прямо перед моим носом.

– Нет.

– Нет? Почему?!

– Потому что я так сказал!

Я слышу все это, и меня дрожь пробирает, кровь стынет в жилах. У Бакирова опасный блеск в глазах, и он... он меня безумно пугает.

– Зачем я тебе теперь? Я не понимаю. Михаил... я все еще твой враг?

– Нет.

Отхожу от мужчины, раздается шум на пороге, и я с огромным облегчением вздыхаю, когда дверь распахивается и я вижу Анатолия.

– Бакир, что ты творишь?!

Анатолий хочет зайти, но Михаил резко ставит руку на косяк двери, преграждая ему дорогу.

– Тоха, я тебя не звал к себе.

– Ты в адеквате вообще?! Че ты делаешь? Где она? Что у вас тут творится? Лина! Да отойди ты!

Толик пытается оттолкнуть Бакирова, но это все равно что стену с места сдвинуть. Он меньше по комплекции, и я вздрагиваю, когда Михаил одним махом хватает Толика за грудки, отталкивая его назад.

– Ты охренел, брат?

– Не лезь, сука, не то пришибу!

– Не ссорьтесь. Пожалуйста.

Выглядываю из-за спины Михаила и ловлю встревоженный взгляд Анатолия. Становится не по себе. Они лучшие друзья, и я не хочу, чтобы из-за меня они ругались.

– Спасибо, что приехали.

– Лина, все нормально? – обеспокоенно спрашивает Толик, и я бросаю взгляд на Бакирова, который стоит, сложив

руки в карманы, напряженный, злой, злющий даже. Сглатываю, коротко киваю.

– Да.

– Идем. Отвезу тебя на квартиру.

Протягивает мне руку, но я боюсь даже с места сдвинуться. Мне не нравится то, как Михаил смотрит на это все. Кажется, если я сейчас подам руку Анатолию, Бакиров ее просто оторвет, и страшно мне уже даже не за себя, а за Анатолия, который просто приехал помочь.

– Лина, отмирай! Едем! Бакир, отойди на хуй, она боится тебя!

– Отъебись, Тоха. Иди к **своей** жене!

Еще никогда не видела Анатолия таким злым. На Михаила. Он не выбирает выражений, тогда как Бакиров отвечает ему тем же.

– Я... Все нормально, Анатолий. Не ругайтесь, пожалуйста.

– Иди в гостиную, Ангел, – строго чеканит Михаил, достаёт сигареты, и они вместе с Анатолием выходят на улицу. Я вижу через окно, что они о чем-то очень серьезно говорят. Толик заметно нервничает, активно жестикулирует, пока Бакиров стоит спокойно, глубоко затягиваясь сигаретой.

Обхватываю себя руками, хоть с загипсованной рукой сделать это не так просто. Что у них за секреты, что вообще происходит, не знаю. Что я помню с того ада... Те бандиты перестреляли друг друга или нет? Архипов... я не слышала

больше о нем ничего, как и о крысе. Я до сих пор не знаю, кто стал предателем. Все хотела спросить у Люды, но язык не поворачивался. Она такая счастливая беременная, а тут я со своими разборками. Судя по тому, что мою квартиру Архипов все же не отнял, как говорил, его нет в городе, и что с ним, я не знаю.

Через пару минут вижу, что Толик проводит рукой по лицу, опускает голову. Бакиров за это время уже третью сигарету докуривает. Он всегда до чертиков много курит, я это знаю с первого дня нашей встречи.

Как ни стараюсь услышать, о чем они говорят, не получается, и через минуту они простожимают руки, и Анатолий уезжает, словно ничего не произошло. Я же опускаюсь на диван, понимая, что теперь точно никто меня отсюда не заберет и я... я даже не знаю, кто я для Бакирова. Не любимая больше, уже не крыса, не полотерка. Я просто... никто для него.

Хлопает входная дверь, и я резко вскакиваю, видя, как Михаил надвигается на меня, будто гора. Он зол, и я машинально отхожу от него назад.

– Почему Анатолий уехал? О чем вы говорили?

– Ни о чем. Иди на кухню, будешь завтракать.

– Нет, не буду! Я вообще здесь ничего не буду! Так, все, хватит!

Иду на выход мимо него, но Бакиров за предплечье меня перехватывает, цементируя на месте.

– Ты никуда не идешь.

– Пусти!

– Не пущу. Успокойся.

– Пусти-и-и меня, не трога-а-ай!!! Я не твой щенок, которого ты захотел – забрал себе!

С трудом отрываю от себя его огромную руку, сердце неистово колотится в груди, ведь я вижу, что Бакиров со мной не шутит. Он так страшно смотрит на меня... Боже, аж мурашки бегут.

– Ты будешь находиться здесь.

– Нет, не буду! Я не буду!

Пячусь к двери, но она оказывается закрытой. Конечно, ключ только у него, и я понимаю, что я в ловушке. Он запер дверь на ключ, и это заставляет запаниковать еще сильнее.

– Что тебе надо от меня? Я что, пленница твоя теперь? Так теперь, Михаил?

– Ты будешь жить здесь, – холодно и спокойно чеканит каждое слово, а я смотрю на его жестокие карие глаза с зеленой радужкой и не верю в то, что слышу.

– Ты не можешь...

– Могу.

Боже, он и правда настоящий бандит, и я его плохо знала раньше. Бакиров всегда таким был, а я была слишком влюбленной девочкой для того, чтобы видеть его настоящего.

– Ты не можешь меня просто забрать и оставить себе. Я не твоя игрушка и не твоя собственность!

– Моя! Иди в комнату.

– А если нет, то что, ударишь?

– Иди в комнату, я сказал, живо! – рычит, как дикий зверь, и я пугаюсь. На секунду все плывет перед глазами, меня пошатывает, но я не даю к себе прикоснуться и сбегая в комнату, куда он показал. Захлопываю дверь, опираясь о нее спиной и прикладывая руку к ране на груди. Болит. Лучше бы та пуля мне сердце пробила, не болело бы теперь так, не видела бы этой злости в глазах Михаила. Он сказал, что я собственность. Я теперь его собственность.

Глава 6

Я приходил к ней. Постоянно. Ангел практически не выходила из палаты, только на перевязки, и каким-то образом мне удавалось сделать так, чтобы она не заметила моего присутствия. Ей давали сильные успокоительные препараты, она много спала, тогда как я сидел рядом, вдыхал ее запах и, сука, не мог даже пальцем ее тронуть.

Безумно красивая, хрупкая, нежная, моя сломленная девочка медленно шла на поправку, тогда как я сдыхал рядом с ней.

Приходить к ней только тогда, когда спит, смотреть на нее, только когда она не видит, и ненавидеть себя за то, что сделал с нею.

Один раз я чуть не спалился. Ангел резко проснулась ночью, и я едва успел выйти из палаты, прежде чем она увидит меня. Исхудавшая, бледная, на хрен просто изувеченная моя девочка постепенно начала улыбаться, но не мне, конечно. Люде, Тохе, которые ходили к ней как по расписанию, тогда как я не мог даже показаться ей на глаза, не мог обнять, прижать ее к себе, вдохнуть ее нежный яблочный запах, я ничего не мог. Мне ничего не было позволено.

Мне с лихвой хватило нашего прошлого разговора, после которого Ангела накрыла дикая истерика, которую удалось купировать только успокоительным. Я долго потом говорил

с Игорем, и лучшее, что он порекомендовал, — не трогать ее. Оставить в покое, чтобы успокоилась, чтобы хоть немного пришла в себя, и мне пришлось наступить себе на горло, но не показываться ей, лишь бы ее сердце не волновалось так сильно при виде меня.

Четки. Они появились вскоре после того, как Ангел попала в больницу. Я подпилит им края, чтобы они стали острыми, и с силой наматывал себе на руку. Мне было больно, но этой боли было так мало, я, сука, хотел еще себе боли. Я сжимал кулаки, пока из них не начинала выступать кровь, четки впивались до мяса, и мне становилось лучше, ведь я понимал, что виноват, что сломал ту, которую хотел уберечь больше всего на свете.

Раны от этих шипов периодически заживали, однако четки я не снимал. Постепенно это стало привычкой, четки напоминали мне о том, каково ей, и не давали забывать, что Ангел едва не лишилась жизни из-за меня.

Я приходил к ней каждый день, дежурил под палатой днем, ночами сидел рядом. Слышал звук ее сердца, но не заходил к ней, когда Ангел просыпалась. Мне хватило тогда ее ужаса в глазах, и видеть его снова я не хотел.

Тоху выписали, и они расписались с Людой по-тихому. Не было никого из гостей, да и никто не был нужен. Все поминали пацанов. Раны были свежими, и все вынесли урок о доверии, а я искал его. Постоянно рыл носом землю, чтобы найти эту суку Архипова, который как в воду канул. Он притих,

затаился, зная, что я ищу его и сдеру с него шкуру живьем, как только найду, вот только я тоже не летал в облаках и знал прекрасно, что эта тварь сама рано или поздно вылезет. Этот мент копает под меня, ведь догадывается, что мои парни сделали с его сестрой-крысой, и для этого не нужно обладать сильной фантазией. Я отдал крысу Сане, а что стало с ней после, меня уже не интересовало. Знаю только, что уже не дышит. Этого мне достаточно.

Ангел любит апельсины, я помню, как она облизывалась от них, а я смотрел и чуть не кончил только от этого вида. Теперь же передаю эти чертовы апельсины через Люду, как и все остальное, зная, что от меня Ангел ничего не возьмет. Я почти не сплю этот месяц, не могу глаз сомкнуть. Кажется, во мне уже больше кофе, нежели крови, дым пропитал до костей.

Тоха разводит руками, злится на меня, а я не могу ни хрена поделать. Я знаю о ней все, чем она дышит в больнице, но провести нормально не могу, хоть и безумно хочу ее увидеть, но ранить снова хочу меньше всего на свете.

Нельзя. Ей будет лучше без меня. Забудет, восстановится, начнет все сначала. Без меня. Я так себя успокаиваю каждую, сука, ночь, а потом снова срываюсь и еду к ней. Просто убедиться, что Ангел в порядке, что ее сердце стучит и у нее ничего не болит.

За ней и без меня смотрят, я купил ее врачей, медсестер, сиделок, поставил охрану. Ее берегут как принцессу, потому что она и есть принцесса, моя сломленная драгоценность, мой хрупкий нежный цветок, мое самое ценное, самое дорогое, что есть у меня. Девочка, права на которую у меня больше нет.

Я должен ее отпустить, дай ей шанс на жизнь без себя. Так будет правильно, я должен так поступить, ведь я что... что, блядь? Я хороший? Ни хуя подобного. Я правильный? Нет, и тут мимо. Я просто сволочь, которая ее хочет, которая ее сломала и которая не может ее, сука, забыть.

Эту девочку, которая два года меня по имени-отчеству называла и смущалась при виде меня. Которая млела от моих ласк и неумело отвечала на поцелуи, а я просто взял и растоптал, сломал ее так легко и быстро, как цветок, и теперь сам себя сжираю, находясь в чистилище. Иметь возможность быть рядом и не иметь шанса коснуться, прижать к себе, увидеть ее улыбку, а не слезы.

То, что я сделал с ней, не прощают, и я не сопливый пацан, чтобы тягать ей цветы в больничку, вымаливая прощение. Хуже того, я не хочу, чтобы она меня прощала, потому что я сам, сука, себя не прощаю. Я не хочу себе прощения, я просто хочу, чтобы Ангел жила и радовалась жизни, тогда как она упорно делает наперекор.

Она херово ест и не спит без успокоительных. Ее рана хе-

рово от этого заживает, и как Люда с Тохой ее ни обхаживают, в больнице ее держат на две недели дольше, чем должны, потому что Ангел дико ослаблена и словно сама не спешит выздоравливать. Мне назло, чтобы я, сука, тоже дольше горел видеть ее такой, чтобы ненавидел себя до скрежета в зубах за то, что сотворил с нею.

Я сам. Больше никто не виноват в этом. Ни она, ни Архипов, ни кто-то иной. Доверие. То, с чего у нас все с ней начиналось, теперь на хрен уничтожено. Его просто нет, и надежды на него тоже нет, а мне, блядь, больно. Так больно, как никогда еще не было, потому что я знаю, что я виноват, я обидел ту, которая вовсе этого не заслуживала, и теперь вместо того, чтобы улыбаться мне своими ямочками, эта девочка лежит вся перебинтованная в больнице, с заштопанной дырой в груди.

Я ее чуть не потерял. Кажется, за эти дни я окончательно понимаю это, и у меня дыхание спирает оттого, что я ее мог потерять. Вот так просто по собственной дурости Ангел умерла бы там, на лесопилке, от пули. Этот практически еще наивный ребенок восемнадцатилетний, не видевший жизни, едва не умер там, прикрывая меня собой. Собой, мать ее, после того, как я ее выебал и избил до мяса. Я не видел ее шрамов, но уверен, что они останутся. Я лупил Ангела металлической пряжкой ремня, от которой всегда остается грубый след, и мне до дикости страшно увидеть мои шрамы на ее теле, увидеть последствия моей ненависти к невинной де-

вочке, которую я впустил в свое сердце. Не хотел пускать, но пустил, и вот он – результат.

Нас перебили как собак, Ангел лежит с простреленной грудью, Тура положили, а Архипов как ни в чем не бывало вышел практически сухим из воды, и я, сука, не сдохну, пока его не найду.

Я буду землю носом рыть, воздух просеивать, но найду его первым, и мне похуй, что для этого придется сделать.

Я восстанавливаю ее документы, оплачиваю лечение, уход. Это все, что я могу дать, и этого ничтожно мало. Осознание того, что эта девочка-ангел ненавидит меня, просто убивает, а понимание того, что еще и боится, теперь уничтожает меня, режет по живому.

Глава 7

– Где она?

Тоха заходит мрачный, и я сразу понимаю, что что-то не так.

– Лина не захотела приезжать в клуб, Бакир. Извини. Я не стал ее силой тянуть сюда. Она и так слабая, едва вышла из больницы.

– В смысле не захотела? Ты издеваешься?!

– Черт, Миша, открой окно, задохнешься скоро от своих сигарет на хуй!

– Блядь, Тоха, я сказал тебе привезти ее сюда!

Поднимаюсь с кресла, до хруста сжимаю пачку сигарет.

– А чего ты сам не поедешь? Не рассыпется твоя драгоценность. Уже отошла, не истерит, как тогда, нормально общается.

Тоха машет руками по густо налитанному дымом воздуху, и я сжимаю зубы. Так же и она реагировала, только при этом у Ангела слезы на глазах еще выступали. Девочка моя тепличная, доморощенная не знала дурного. До меня.

Отворачиваюсь к окну. Глубоко затягиваюсь. Уже тошнит от сигарет, самые крепкие беру, но и они не вставляют так, как надо мне.

– Бакир, я уже смотреть на тебя не могу! Одна там, в больнице, лежала полутрупом целый месяц, и ты здесь такой же!

Хватит вам уже! Вы оба себя до края доведете! А мне нельзя волноваться, я, между прочим, будущий отец!

– Отвали, отец. Не лезь ко мне, – рычу. Ненавижу, когда Тоха так делает, а он это делает, сука, постоянно. Беременные, блядь, с Людой до мозга костей. Хуже больных стали.

– Брат, ну нельзя так! Ну обидел ты девочку, так иди к ней, поговорите хотя бы! Не рассыпется она. Простит. Бакир, она же так любит тебя, не дури.

Усмехаюсь криво.

– Это “любит” ее чуть саму не убило. Ей будет лучше без меня. Забудет. Найдет нормального, себе по возрасту, подходящего ей пацана сопливого, – говорю это, и орать хочется, как только представлю, что Ангела моего какой-то хуй прыщавый обнимает. Тут же хочется его придушить, аж трясет всего, боже.

– Блядь, ну что ты за баран такой упертый! Не хотел говорить, но ладно. Меня Люда любит и все такое, но, черт, мы с Людой рядом с вами не стояли, ты сам подъебывал меня, а теперь посмотри на себя! Что, блядь, с собой сделал! Я не собираюсь еще одного брата хоронить! Места на кладбище нет! Бакир, сука, хватит! Не хочешь – отпусти ее! Пусть живет тогда. Пойди девку любую оттрахай – может, полегчает!

Тоха подходит и встряхивает меня, но я резко даю отпор.

– Не трогай меня, пошел вон!

– Не пойду я никуда! Я заебался уже видеть тебя таким! Сдохнешь, блядь, скоро! То, как эта девочка тебя любит, –

это мечта, понимаешь? Она тебя боготворит. Я такого в жизни не видел, я бы все отдал, если бы меня Люда хоть на сотую часть так любила, как Линка любит тебя!

– Отвали! Пошел вон, во-о-он!

– Баран!

Тоха выходит из моего кабинета, громко хлопнув дверью, а я с силой ударяю по столу. Мы так никогда с ним не собачились, как за этот месяц, мы не можем найти общий язык, потому что я не могу ни оставить ее, ни поговорить с ней нормально, как ни просит меня Тоха.

Кто бы говорил, учит еще меня, праведник, блядь!

Так, как Тоха гулял в свое время, даже Хаммер не гулял, а тут Люду встретил и поплыл, сука, домашним стал, ручным, правильным.

Вот только мы оба знаем, откуда мы вышли и какая у нас была жизнь до клуба, как и какими способами мы поднимались, и это точно не розовые, сука, сказки. Мы выгрызали себе это место, мы зарабатывали себе каждую копейку и уважение в городе, и теперь я не собираюсь так просто отдавать все то, чего мы добились.

Хочет Тоха семью – будет ему семья, а мне и так заебись. Мне нормально, нормально... мне, сука, хорошо одному. Мне и нужно было быть одному и не подпускать эту девочку к себе. Я сделал ошибку и теперь расплачиваюсь за нее сполна.

И если Тоха уже домашний и ждет ребенка, то у меня нет

никого. Ангел была, но после того, что я с ней сделал, она не любит меня, не уважает, а ненавидит, и мне не нужно с ней говорить, чтобы еще раз в этом убедиться. Я должен ее отпустить, должен, должен!

Кажется, только сейчас до меня доходит смысл слов Тохи. Ангел же не приехала в клуб, тогда куда он ее дел? Ее сегодня выписали.

Бросаю взгляд на часы. Два ночи. У меня сна ни в одном глазу. Я думаю о ней, хоть уже поклялся себе отпустить и забыть, а оно не забывается, сука, ни хрена, тогда как перед глазами эта девочка. Боже, кажется, я схожу с ума.

– Алло, куда ты ее отвез, на квартиру новую? Там все оплачено. Сможет жить.

– Э-э... нет.

– В смысле? Где Ангел, Тоха? Я тебе башку снесу! ГДЕ ОНА?!

– Я ж тебе говорил, Лина хоть и была слабой, но настояла, чтоб домой ее отвез. Сказала, сама справится и вещи там есть. Ничего ей не нужно от нас.

– Куда домой?! Там нет ни хрена, даже замка в двери нет, Тоха!

– Да я откуда знал? Блядь...

– Случится с нею что, я тебя кончу, понял? Я тебя кончу! От злости напрягается спина, хочется лупить в стену. Вы-

хожу из клуба, пока доезжаю до ее квартиры, полтретьего уже.

Внутри беспокойно. Какого лешего она уперлась? Упрямая, вечно делает по-своему, в клубе Ангела бы никто не тронул, на квартире бы жила себе припеваючи, но почему она не послушала, блядь?

Приезжаю к ней, открываю дверь. Не заперто, конечно. Я уже был здесь, и уже тогда квартиру обнесли. Даже батареи сняли, краны, плитку отковыряли. Было бы удивительно, если бы не тронули.

Захожу, не разуваясь. Тут даже ковры сгорели, линолеум тоже.

В квартире темно, зябко, сыро. За окном льет дождь проливной, скребется в окна.

Прохожу по коридору, попадаю в гостиную и замечаю ее у стены.

Ангел сидит у стены на чертовом пакете, скрутившись от холода и склонив голову к согнутым коленям. На девочку падает тусклый свет фонаря, давая разглядеть ее тонкую фигурку. Вот тогда меня накрывает, и мои обещания, данные самому себе, летят к чертям собачьим. Я ее забираю, наплевав на то, что каждую, сука, секунду обещал себе ее отпустить. Дать ей шанс жить без себя, но, как только вижу ее, вдыхаю ее запах, у меня сносит тормоза.

Моя. Пульсирует в висках. Не отдам никому, сдохну, но не отдам.

Я забираю Ангела ночью, она шарахается от меня, как от чего-то ядовитого. Не смотрит мне в глаза, боится даже коснуться, хотя еще месяц назад ластилась ко мне, просила меня, целовала так, что хотелось сдохнуть в ее руках.

Теперь же ее глазки зеленые потухшие, сама Ангел заметно похудела, на щеках пропал румянец, так же как и ее ямочки. Увидев меня, она забилась в угол, как птичка, прижала к себе руку в гипсе в защитном жесте. Защитном, сука, жесте от меня!

Руки сжались в кулаки, но пугать ее сильнее не хотелось. Еще там, в больнице, я понял, что у нас больше не будет так, как прежде. Она не смотрит на меня с таким трепетом и обожанием, как раньше. Даже близко не так. Теперь в ее глазах страх ко мне, недоверие, скрытность.

Я не везу ее на дачу, забираю к себе домой. Я больше не прячусь, я нанял столько охраны, что, сука, целый взвод можно охранять, сделав из своего дома крепость.

Ангел всю дорогу едет молча, как можно дальше от меня отодвинувшись, тогда как я до хруста сжимаю руль, чтобы не коснуться ее.

Я скучал, боже, я скучал по ней как ненормальный, но теперь даже пальцем не могу ее тронуть, не имею права, но и отпустить не смог. Просто не смог. Как увидел ее в той квартире, понял, что нет. Она уже раз назвалась моей, а значит, будет моей, хочет того или нет.

Ангел засыпает прямо на диване, а утром заявляется То-

ха. Он ей дал свой телефон. Умник, блядь. Прискакал, испугался, что я ее тут истязую, наверное.

– Бакир, ну что ты творишь? Как это вообще называется?!

– Не лезь. Я тебе что сказал сделать? Ты меня послушал? Я тебя нормально попросил отвезти ее на квартиру, а не бросать в пустой обнесенной хате без замка, Тоха!

– Лина не захотела ехать на ту квартиру. Она как про деньги за лечение узнала, так сразу запсиховала вся, не захотела ехать никуда, домой попросилась. На хрен мне эти проблемы?

– Так а кто тебя просил трепать об этом, Тоха? Мать твою, я же просил не говорить!

– Ну черт, ну прости. Я ж не знал, что там даже замка нет и условий. Я там вообще не был, Линка сказала, соседка приютит.

– Какая на хуй соседка? У нее insult. Тоха, блядь, думать надо башкой своей!

– А сам-то думаешь? Что ты делаешь?! Линка мне среди ночи позвонила, взволнованная, голос дрожит. Сам-то чем лучше? Зашугал девку, дальше некуда, блядь! Ты ее поломал, я что, сука, слепой, по-твоему? Она как тень в больнице лежала, на таблетках дни и ночи, по частям склеивали, беседовали с ней, хоть как-то расшевелить пытались, потому что она ни хера первые дни даже не говорила, а ты тут снова на-

рисовался. Хотя бы раз к ней пришел нормально поведать, хоть бы раз поговорил, прощения нормально попросил, так нет же! Мы ж гордые, сука!

– Заткнись! Закрой пасть, блядь!

Тоха не знает, что я приходил к ней. Никто не знает, я не мог это сказать никому, хотя думаю, что он догадывается, судя по тому, что я ни одной ночи дома и в клубе не провел. Я был с ней. Постоянно.

– Да мне-то что, мне похуй вообще. Сдыхай тут сам, но девку гробить дальше не дам. Так, все, давай я заберу ее, отвезу на квартиру. Больше ты о ней не услышишь.

Тоха поворачивает к дому, но я преграждаю ему путь.

– Нет.

– Нет? В смысле нет? Миша, ну, не дури! Она же девочка еще совсем, вчерашняя школьница! Ты что, насильно ее тут будешь держать?! Совсем озверел?

– Да, буду! Она будет здесь, хочет того или нет!

– Бакир, ты меня пугаешь.

– Ищите Архипова. Пока не найдем его, малая будет при мне. Так надо, Тоха. Один раз я уже сделал ошибку.

– Ладно, я понял. Ищем. Уже всех собак на уши поставили, но с Линкой полегче. Сам видишь, какая она изломанная вся, ни родственников, ни хрена у нее нет, хотя кому я рассказываю, сам знаешь, каково это.

– Ищите лучше! – ору на него, бешусь, хотя понимаю, что Тоха прав. Он, сука, прав как никогда.

Глава 8

Я сижу в этой комнате уже два часа и, если честно, выйти опасаюсь. За дверью тихо, слишком тихо для того, чтобы я уже вся извелась. Сама комната огромная, окна в пол, тяжелые коричневые шторы. Вся мебель деревянная, большая кровать, на которую я так и не сажусь.

Здесь каждый сантиметр пропитан его запахом, и я боюсь сделать лишнее движение, чтобы не разозлить Бакирова и просто... чтобы не стать к нему ближе. Слишком сильно обожглась, и мне кажется, стоит сделать шаг навстречу – и я снова обожгусь. Обгорю до самых костей.

Из окон дома замечаю, что по периметру этого огромного двора снует охрана. Мужчины ходят с овчарками, и у меня создается стойкое впечатление, что я попала не домой к Бакирову, а в какую-то хорошо охраняемую тюрьму.

Зачем я ему... он ведь не приходил ко мне ни разу после того нашего разговора в больнице, я ему больше не нужна, особенно после того... после того, как меня использовали его дружки.

Я в этом уверена, никаких сомнений нет. Бакиров никогда не врет, и тогда он ясно дал мне понять, что после него меня поймут остальные.

Боже, это какой-то кошмар, и такой грязной я себя в жизни не чувствовала. Сколько раз после того я ни принимала

душ, это чувство грязи и чужих рук... оно никуда не делось. В первые дни я даже с Толиком боялась говорить, боялась своего врача, а потом немного отпустило, но ощущение грязи не ушло.

Лучше бы Бакиров меня сам пристрелил тогда, но не так, не так жестоко. Не отдавал бы меня никому, ведь теперь я на ноги встать не могу, я не помню остаток той ночи, и, наверное, это хорошо, ведь если бы запомнила, уже давно бы надела себе петлю на шею от горя.

Я хотела быть его. Мамочка, как же сильно я хотела быть его, только его, только с ним, для него, но судьба распорядилась иначе, и теперь я даже уже не его полותרка. Я его собственность. Я собственность бандита, и хуже всего то, что я не знаю, что Михаил будет со мной делать и что меня теперь ждет.

Вскакиваю со стула, когда дверь резко отворяется. Бакиров стоит на пороге. Такой высокий, крепкий, большой, такой мой и такой чужой. Почему-то я не могу смотреть прямо на него. Так, мельком только, потому что у меня дрожит каждая жилка в теле, и я не знаю, откуда это взялось.

Я так никогда его не боялась, он меня всегда защищал до той ночи, когда я хотела умереть от его руки, но он решил иначе. Бакиров сделал мне больно, и вспоминать об этом я не хочу.

– Иди завтракать.

– Я не хочу завтракать.

– Не заставляй меня повторять дважды, Ангел.

Сглатываю, поджимая губы. Когда-то я обожала, когда Михаил меня так называл. “Ангел”. Мне это казалось очень нежным и ласковым словом, но теперь в голосе Бакирова сталь, и я понимаю, что права на отказ у меня нет.

Осторожно подхожу к нему и следую за Бакировым на кухню. Он что-то приготовил, но сразу вижу, что готовил не сам, а просто вытащил еду из пакетов. Блюда из ресторана. Я до сих пор помню их запах, хотя сама почти никогда там не ела, это было слишком дорого для меня, а теперь и подавно, когда у меня нет денег. Совсем нет, и взять их неоткуда, потому я не летаю в облаках и не рассчитываю, что Михаил возьмет меня обратно мыть полы в его заведении.

– Ешь бери.

– Спасибо.

Пододвигает ко мне большую тарелку плова. Еще теплый, такой ароматный, парующий, и у меня мгновенно собирается слюна во рту. Я уже успела проголодаться, однако, как только беру вилку, замечаю, что Бакиров смотрит на меня. Как на собственность свою, на свою игрушку, которую надо покормить, и аппетит сразу же улетучивается.

Михаил берет такую же порцию и начинает есть с аппетитом, пока я ковыряю свой плов вилкой. Мельком поглядываю на него. Михаил не мальчик совсем, взрослый мужчина, сильный и крепкий, плечистый, здоровый. В нем нет ни капли смазливости и юношеской милоты, однако красивее

Бакирова для меня нет и не было никогда. На него хочется смотреть. Его хочется коснуться хотя бы подушечками пальцев и вдохнуть запах, как тогда, в нашу единственную ночь, когда мне было это позволено, когда я думала, что счастливей меня нет на всем белом свете.

Бакиров опирается на стол, он в черной рубашке, закатанной на локтях. Его ладони очень мужские и красивые, когда-то я сходила с ума по его рукам, таким грубым, в татуировках, а теперь боюсь смотреть на них. На сильной шее пульсирует венка, из расстегнутой на груди рубашки выглядывают черные волосы. Широкие плечи, подтянутый спортивный торс. У него теперь густая короткая борода, черные волосы назад уложены и выбриты на висках, лицо серьезное, суровое даже. Прямой нос, строгие губы, большие карие глаза с зеленой радужкой и густыми черными ресницами. Михаил безумно красив, за него я была готова умереть и сделала бы это снова, не задумываясь. Не потому, что дура, а потому, что не могу допустить, чтобы с Михаилом что-то случилось. Даже после всего, даже сейчас, ненавидя себя за слабость.

Бакиров открывает еще один лоток и достает оттуда перцы. Такие острые зеленые перцы, от которых, я знаю, язык горит огнем. При этом он надкусывает один из них, а после полностью прожевывает и даже глазом не ведет.

Оказывается, Миша любит острое, а я не выношу. Он любит курить, а я кашляю от дыма, и слезы всегда выступают на глаза. Он вырос на улице, а я была домашней девочкой,

купающейся в заботе родных.

Интересно, остановился бы Михаил той ночью или добил бы меня, если бы я не потеряла сознание? Я не знаю. А вдруг он меня все еще ненавидит и специально привез сюда, чтобы продолжить мстить?

За что, уже сама не знаю. Просто за то, что я есть. Вдруг он меня все еще ненавидит, вдруг достанет ремень, разорвет на мне одежду и сделает больно? Снова.

– Почему ты не ешь?

– Не хочу.

– Ты должна есть, не то совсем охлянешь! – повышает голос, а у меня вилка в руке дрожит.

– И тогда ты меняпустишь?

– Нет, но и отбиваться от меня у тебя не будет сил. Ты ведь об этом сейчас думаешь, не так ли, Ангел?

– Нет!

Как он понял? Словно сканер видит меня.

– Тебе не нравится еда?

Подталкивает ко мне еще разные блюда из ресторана, а у меня слезы подкатывают к глазам.

Это унижительно. Понимать, что ты голодна, и не иметь возможности взять, не иметь возможности это купить, потому что платить нечем, а быть должной Бакирову еще и за еду я не собираюсь.

– Я не хочу есть, я же сказала!

Подрываюсь со стула, отодвигая от себя нетронутый плов,

и вижу, как Михаил с силой сжимает вилку в ладони. Так сильно, что та аж гнется.

– Сядь. Не кричи. Я закажу тебе что-то другое. Что ты хочешь?

– Ничего, я ничего не хочу!

– Села, я сказал!

С силой ударяет кулаком по столу так, что на нем аж подпрыгивают тарелки, а мне дурно становится. Мне страшно, кажется, Михаил и меня сейчас ударит кулаком, как этот стол. Ухватываюсь рукой за край стола, ноги подгибаются.

– Ой...

– Черт, Ангел!

Даже не замечаю, как Михаил оказывается рядом со мной, подхватывает меня под локоть, а меня как током бьет. Не могу, не могу я, чтоб он меня касался.

– Пусти! Я хочу в комнату, пожалуйста, я хочу в комнату! – вскрикиваю, и Михаил резко меня отпускает. Я вижу, как темнеют его глаза, и мне становится страшно. Опустив голову, сбегая в комнату и закрываю дверь. Сердце неистово прыгает в груди, и через минуту я вижу, как Михаил вышел из дома, хлопнув дверью, сел в машину и быстро выехал со двора.

Охранники закрыли ворота, и, спустившись на первый этаж, я вижу, что Миша все сгреб со стола и отправил в урну вместе с приборами.

Глава 9

Весь день я провожу одна. Дом Бакирова оказывается огромным, в нем не одна спальня, как я думала, а несколько, поэтому я выбираю себе отдельную комнату. Самую маленькую и самую дальнюю от его спальни. Ее окна выходят на ворота, и хоть я не жду, когда Михаил вернется, но то и дело поглядываю в окно.

Никаких фотографий в его доме я не нахожу, как и альбомов или памятных вещей. У меня создается ощущение, что Бакиров здесь или не так давно живет, или у него просто нет ничего из прошлого, хотя есть кое-что, что сразу бросается в глаза. Его запах. Им пропитаны его вещи. И конечно, пепельницы. Дорогие медные литые пепельницы расставлены по всему дому, и у меня было рука поднимается все это выбросить, но я тут же отметаю эту идею. Бакиров скорее меня выкинет, чем свои пепельницы, хотя это было бы не так уж и плохо.

Пошатавшись по дому, я нахожу его рубашку на одном из кресел и, осторожно взяв ее в руки, невольно вдыхаю запах. Сигареты, кофе и мускус. Боже, как же сильно я соскучилась по его запаху, как же сильно он нравится мне несмотря ни на что. Как наркотик, как что-то запретное и очень волнующее меня.

За дверью что-то шуршит, и я быстро кладу вещь обратно.

Не хочу, чтобы Михаил видел мою слабость, и еще больше не хочу выглядеть перед ним жалкой, хотя в этом сильно сомневаюсь. Не он у меня дома на правах собственности, а я у него с единственным пакетом вещей, и это бьет по больному.

Я никогда ничего не получала просто так, я честно работала на Бакирова, и у меня всегда были мои деньги, мой дом, школа и хоть какая-то стабильность. Теперь же я словно потеряла почву под ногами и никак не могу найти опору, но хуже того, что я не знаю, зачем Бакиров забрал меня себе. Я же грязная, пользованная уже, и Михаилу наверняка противно даже смотреть на меня, вот он и не смотрит, а если смотрит, то как-то жутко, так серьезно, что мне от этого становится самой страшно.

На улице быстро темнеет, но Бакиров дома так и не появляется, поэтому я все же не выдерживаю и иду в душ в комнате, которую выбрала. Я уже два дня не делала перевязку, и рана на груди начинает неприятно жечь. Мне сняли швы, но шрам еще очень свежий, и его нужно смазывать мазью, которой у меня нет. Могла бы позвонить Анатолию, попросить привезти, но это уже будет слишком нагло с моей стороны. Они и так с Людой почти каждый день приходили ко мне, столько лекарств мне приносили – даже не сосчитать. Просить же мазь у Бакирова я не стану, потому что... потому что не хочу ничего брать от него и увеличить перед ним свой долг.

Я выхожу из душа с влажными волосами, в одной майке и

трусиках, потому что халата у меня просто нет, и, как назло, в этот момент дверь комнаты распахивается, я не успеваю прикрыться.

Бакиров собственной персоной, и конечно, он не постучал. Вломился ко мне, как к себе домой, хотя это же и есть его дом и его правила.

– Не смотри! Стучать надо!

От неожиданности хватаю покрывало и подношу к груди, однако момент упущен, и конечно, Михаил успел увидеть меня полуголую, и мой шрам на груди в особенности. Он немаленький, там восемь швов, и теперь я не могу носить майки или открытые платья. Шрам заметен и пока еще жутко красный.

– Я не привык стучать у себя дома, – басит Бакиров, а я резко отворачиваюсь от него спиной, сердце колотится, как у мышонка. На улице ночь, и почему-то только теперь я понимаю, что Миша пришел не просто так. А вдруг... вдруг он что-то потребует, вдруг он меня коснется?

Даже не дышу, когда слышу тяжелые шаги за спиной. Точно медведь, Бакиров подходит ко мне, и я макушкой чувствую его теплое дыхание и эту энергетику, которая ломает кости.

– Ангел, посмотри на меня.

Медленно оборачиваюсь, чтобы встретиться взглядом с красивыми карими глазами. Такими серьезными и потемневшими сейчас, почти черными.

Мы стоим друг напротив друга. Бакиров на полторы головы выше меня, и я не выдерживаю его взгляда. Пальцы сжимаются до хруста, с силой вжимаю в себя покрывало, чувствуя себя голой.

– Позволь.

Сначала не понимаю, о чем он, а когда до меня доходит смысл его слов, не знаю даже, что ответить.

Не дожидаясь моей реакции, Михаил осторожно опускает мою руку, которой я держу покрывало, а после смотрит прямо туда, где шрам.

Он его не касается, проводит только ладонью над кожей, будто поглаживая воздух, и при этом я вижу, как сжимается его челюстной сустав, как сильно впиваются острые четки в сомкнутый кулак. Аж капельки крови выступают... боже, это наверняка дико больно, и я невольно замечаю, что у Миши вся ладонь с внешней стороны в шрамах от этих четок уже.

Михаил так смотрит, что мне становится страшно, и я быстро натягиваю покрывало на плечо, прикрывая шрам от цепкого взгляда.

– Ничего... почти зажило уже. Не смотри так. Пожалуйста.

Бакиров тяжело вздыхает, и я вижу, как напрягаются его плечи.

– Я привез еду. Иди возьми, что хочешь.

Усмехаюсь, хоть очень хочется плакать.

– Хозяин вернулся, пришло время кормить щенка?

Едко и некрасиво, но я не могу удержаться. Обида колет грудь.

– Ты не щенок! НЕ ЩЕНОК, БЛЯДЬ!!! – вскрикивает так громко, что я аж подпрыгиваю на месте, но отступить не намерена.

– Щенок! Ты же сам меня сюда притащил и кормишь теперь по расписанию! Зачем я тебе, что тебе надо?! Я твой враг еще, Михаил, ты не наигрался со мной? Так вот, у меня больше нечего взять, нечего! А хотя нет, есть еще кое-что, бери!

Меня так сильно распирает обида и боль, что я сама не замечаю, как хватаю свой единственный пакет и просто бросаю в Бакирова бумажки документов и вещи, которые он с легкостью отбрасывает от себя.

– На, забирай! Бери все, мне не жалко!

– Успокойся.

Стоит, как стена непробиваемая, а я не могу. Чувствовать себя бесправной вещью для меня невыносимо.

– Я не твоя вещь, НЕ ТВОЯ!

В груди жжет. Адреналин разжигает кровь, мне аж жарко, и предательские слезы текут по щекам.

– ТЫ МОЯ! Ты уже однажды признала это. Забыла, как шептала это мне, как была со мной, как целовала, ластилась ко мне, забыла?!

– Не забыла! Лучше бы ты прибил меня и оставил где-то на обочине умирать, чем так! На, бери все, все забирай! Мне

не нужны твои подачки, документы, тряпки! Мне ничего не надо, я хочу домой! Я верну тебе все деньги за лечение, я тебе все отдам, все, и вернусь домой!

Бросаю все в Бакирова, но он и бровью не ведет. Стоит как гора, руки в кулаки сцепил и смотрит так, что хочется сдохнуть.

– Твою квартиру я продал. Тебе некуда возвращаться, – чеканит, смотря прямо на меня, а я чувствую, как острые шипы пробираются к сердцу все ближе.

– Что... что ты сказал?

– Что слышала. У тебя нет больше дома, Ангел.

Слезы снова подкатывают к глазам. Боже, я лишилась последнего, что у меня было. Бакиров отнял все. У меня теперь и правда нет ничего.

Опускаюсь на колени. Михаил стоит рядом, убрав руки в карманы. От слез все расплывается. Мне больно, хоть я и понимаю, что он прав. С меня ведь больше нечего взять. Драгоценностей нет, работать я не могу, пока гипс не снимут. Он взял плату за мое лечение квартирой. Все правильно, вот только мне больно понимать, что у меня нет теперь даже своего угла.

– За что... Это плата за лечение? Я бы и так отработала. Я бы все тебе отдала!

– Мне на хуй твои деньги не сдались! Это теперь твой дом. Смирись! – он говорит это абсолютно серьезно, и я понимаю, что Бакиров не шутит. Он никогда не шутит и преспокойно

мог это сделать, чтобы что... чтобы я была зависима от него.

Михаил переступает туфлями через разбросанные мною вещи и документы, разворачивается и выходит за дверь. Я же падаю на кровать и накрываюсь с головой одеялом.

Я думала, что больше он уже мне не может сделать, но нет, оказалось, может. Теперь я не только сломанная игрушка бандита, а еще и бездомная.

Я его плохо знала, и мои розовые очки не давали увидеть, что он и правда настоящий бандит. Такие, как Бакиров, не умеют любить, они умеют только владеть, ломать и брать.

Глава 10

Как она смотрела на меня, когда про квартиру сказал. Хуже, чем на врага. С обидой и ненавистью, растерянностью, страхом. Ангел всегда была самостоятельна и свободолюбива, я же по кускам у нее это отбирал, ломая окончательно остатки ее доверия и уважения к себе.

Ненавидимый. Враг, нелюдь, подонок – вот кто такой я теперь для нее, но пусть я лучше буду ненавидимым, чем снова отпущу ее от себя. Я не смог тогда, не смогу и теперь. Понимать, что Ангелу небезопасно возвращаться в ту квартиру, и допустить, чтобы она снова пострадала, я не могу.

Пусть бесится, проклиняет, ненавидит, швыряет в меня бумажки. Пусть. Хорошо, мне так даже лучше. Пусть только не плачет и не дрожит, хотя и это у нее не прошло. Сжимаю четки так сильно, что рука уже немеет. Что это такое? Я в жизни таким не был, а теперь меня аж ведет, когда смотрю на нее. Внутри жжет, член колом стоит, хочется орать в голос и крушить все вокруг. Я хочу Ангела... трахнуть, обнять, поцеловать. Я всего хочу с этой девочкой, и мне страшно уже от самого себя, потому что я боюсь, что могу сорваться и сделать это с ней снова против воли.

Ангел шарахается от меня и вроде возникает, однако стоит чуть голос на нее повисить, и я вижу, что боится. Моя девочка, которую я два года последних оберегал от каждого

столба, теперь боится меня больше всех. Когда-то она липла ко мне, ластилась, так смущалась и любила, а теперь, блядь, боится, и я сам в этом виноват.

Шрам ее на груди как увидел, захотелось в удавку залезть, потому что это не была простая царапина, там был след от пулевого, и в этом тоже моя вина. Не ее это была пуля, а моя. Ангел забрала себе этот выстрел, но ощущение такое, что пуля та проклятая прошибла нас обоих.

Девочка прикрывалась, но я все равно смог шрам ее рассмотреть, и мне хотелось взять этот шрам и пришить его себе. Чтобы не у нее в груди была дыра, а у меня, ведь та пуля была моей, а теперь там восемь швов, которых она стыдится. Стыдится, сука, по моей вине.

В нее выстрелили, а я физически, сука, ощущаю эту боль в груди. Я вижу, как ей больно, как она напугана, и, блядь, я не знаю, как к ней подступить. Ангел ненавидит и боится меня, а мне просто рвет чердак с нею рядом.

Так близко, взять и прижать ее к себе, впиться в сладкие губы, коснуться тела. Нельзя. Ни хуя теперь мне нельзя. Смотреть только на свой сломанный цветок и не иметь возможности даже за руку взять. Не ад ли это? Чистилище.

– А-а-а-а! Аа-а-а, нет, не-е-ет, нет!

Я подрываюсь с кровати среди ночи за секунду от ее крика. Такого сильного, истошного, отчаянного, и сразу же хватаюсь за пистолет.

– Ангел!

Распахиваю дверь ее комнаты, снимая ствол с предохранителя, но в спальне она одна, и она плачет. Во сне. Одеяло на пол съехало, Ангел лежит на краю кровати, и, подойдя ближе, я замечаю, что очень тяжело и быстро дышит, вздрагивает и кричит.

Все ее лицо мокрое от слез, бретели майки опустились, оголяя вершины ее часто вздымающейся груди, открывая свежий шрам.

– Пусти... пустите меня, не трогайте! Пожалуйста... Пожалуйста. Мне больно. Мне так больно!

Она метается на подушке, а у меня мороз идет по коже, ведь я понимаю, что ей снится, и пистолет, который я сейчас держу в руке, мне хочется направить себе в висок.

– Ангел, проснись!

Хватаю ее, отрываю от подушки, провожу по влажным волосам пальцами, и, когда Ангел открывает глаза, она не успокаивается, а совсем наоборот. Она начинает просто криком кричать, царапаться и вырываться из моих рук, тогда как я просто охреневаю от такой ее реакции.

– Не надо! Не трогай, не-е-ет!

– Чш... Ангел! Не бойся. Все хорошо. Все хорошо, малыш.

Включаю свет, самого уже колотит, быстро прячу ствол от нее за спину.

Такая хрупкая, исхудавшая, заплаканная Ангел сидит на краю кровати и смотрит на меня, обхватив худые колени руками. Ее волосы рассыпались по спине, на кукольных ресницах трепещут слезы, а глаза сейчас такие ярко-зеленющие, что в них страшно смотреть.

Словно очнувшись, Ангел быстро вытирает слезы и натягивает одеяло до подбородка, прикрываясь от меня.

– Что ты здесь делаешь? Я, вообще-то, спала.

Задирает свой маленький носик, поджимает губы, которые я до дикости хочу облизать.

– Ты кричала во сне.

– Хм, не было такого, тебе показалось. – Вытирает слезы, опускает голову. – Я хочу спать. Очень.

Переворачивается на бок, натягивая сильнее одеяло, и вот видно же, что не спит, но и поговорить мы не можем, что просто выводит из себя.

– Будет что-то нужно – скажи.

– Угу, – бубнит, и я выхожу за дверь. До утра сижу в гостиной. Сторожу ее сон, как пес, у самого сна ни в одном глазу.

Что с ней такое? Месяц же прошел уже. Ангел никогда так не кричала, не ревела во сне, либо же в больнице ей давали до хрена успокоительного, и она всегда спала спокойно.

Закуриваю, глубоко затягиваясь сигаретой. Что ей там снилось такое, чтоб так орать и реветь навзрыд?

Сука. Знаю я, что ей снилось. Тут не надо быть гением, блядь.

– Алло, Игорь, можешь говорить?

– Да, в чем дело? Лине плохо?

– Да, я забрал ее к себе, она ревела ночью. Так сильно.

Кричала прямо. Давай я привезу ее тебе покажу.

– Миш, да я ж хирург. Я не помогу тут ничем. Следи, чтоб она ела, витамины купи, чтоб спала нормально, и никакого стресса. Если не пройдет, отвези ее к психиатру, но там таблетками напичкают, они ей не надо, поверь. Пройдет. Дай ей время. Просто стресс. Молоденькая ж девочка еще очень. Ранимая, ну и последствия сам знаешь чего будут. Я тут не помощник. Вам бы самим открыто поговорить об этом. Ну ты понимаешь.

– Ладно. Отбой.

Боже, кажется, я схожу с ума. Я долго не могла уснуть, а когда уснула, мне снилось, как меня имеют в кабинете Бакирова его дружки. По-разному, делают мне больно, а я как безвольная кукла в их руках, и это все было... настолько реально и грязно, что я даже не заметила, как начала кричать.

Потом я видела, как Михаил подошел ко мне и усмехнулся, потушил об меня сигарету и достал ремень. Он начал душить меня, пока его дружки стояли рядом. Они все смеялись надо мной, а я ничего не могла с этим сделать.

Я проснулась от этого дурацкого сна как-то резко, словно из него меня кто-то выдернул. Михаил сидел рядом на кро-

вати, в одних штанах, и гладил меня по голове. Мне же стало жутко неловко, ведь я давно не маленькая, а какие-то кошмары приснились, хотя почему кошмары? Это та реальность, которую я не запомнила.

Они ведь меня и правда поймали толпой, и это... боже, это просто меня добивает. Мне больно это понимать, и хуже того то, что я никому не могу об этом рассказать. Мне жутко стыдно, меня никто не поймет, даже Люда. Они не знают, каково это, Люда очень любит Толика, а я просто собственность бандита. Игрушка, вещь – кто угодно, но не любимая.

Быстро вытерев слезы, я натягиваю одеяло и поворачиваюсь на бок, делая вид, что жутко хочу спать, хотя сна у меня нет ни в одном глазу. Бакиров стоит возле меня еще пару минут, после чего выходит, прикрыв дверь.

Я же реву в подушку от беспомощности и страха. Я чувствую себя использованной грязной игрушкой. Мне почему-то очень страшно, ощущение такое, что моя судьба постоянно меняется, и я не успеваю за этими изменениями, а еще я до жути хочу обнять Мишу, чтобы хоть на миг у нас стало все как раньше, но понимаю, что ему самому противно теперь касаться меня.

За все это время он ни разу даже не поцеловал меня. Я грязная теперь для него. Я уже отчетливо это понимаю.

Проснувшись утром, я замечаю на тумбочке мазь и перевязочные материалы. Михаил заходил, а я даже не видела.

Глава 11

Она сидит в комнате уже двое суток, не вылезая. Упрямая маленькая девочка, которую я, сука, даже пальцем тронуть не смею. Ангел боится. Меня на полном серьезе. Пищит, возникает, как слабый котенок, но стоит мне чуть голос повесить, как начинает дрожать, бледнеет, трясется зайцем, а мне руки хочется себе сломать за что, что сделал с ней, а еще она ни черта не ест.

Первый день я тягал ей блюда из клуба, самые лучшие и дорогие деликатесы, к которым Ангел даже не притрагивалась, и я, сука, не понимал почему. Что не так, ну что за капризы? Ангел никогда не была капризной, но и насильно заставлять ее есть не хотел, хоть мне ничего не стоило зажать ее, открыть ей рот и затолкать в него колбасу.

Теперь же мне страшно к ней прикоснуться, у меня горят руки, ведь я прекрасно помню, какая Ангел была и какой может быть. Теперь мы будто обросли шипами, и я даже обнять ее не могу, я не могу коснуться ее руки, я ни хрена теперь не могу.

Я ее сломал. Я это вижу прекрасно, потому что у Ангела пропал блеск в глазах. Она за это все время ни разу прямо на меня не посмотрела, ни разу сама не коснулась, не улыбнулась своими ямочками. Когда-то она липла ко мне как лист банный, а теперь прячется в комнате. От меня.

Ангел как лань дикая, с виду бойкая, но сломленная, пугливая, осторожная. Она забаррикадировалась в комнате и явно протестует, тогда как я скорее голову себе сломаю, чем отпущу ее тогда, когда Архипов гуляет на свободе. Этот мусор прекрасно знает, что Ангел со мной, и он понимает, что единственный человек, за которого я по-настоящему боюсь, — это она.

Не Тоха, хоть мы с ним и росли вместе, не Люда, не Алена, это только она. Мой самый дорогой цветок, моя девочка, которую я хранил как самое ценное и не уберег от самого себя.

Я не вижу Михаила следующие два дня, потому что просто не выхожу из комнаты. Я не хочу быть его игрушкой, вещью или собственностью. Я так хотела быть его девушкой, его любимой, но теперь понимаю, что просто летала в облаках и не видела власти Бакирова, а в том, что у него этой власти немереное количество, теперь только сильнее убеждаюсь, видя количество охраны и людей, работающих на него. Михаилу часто кто-то звонит и просит помощи, тогда как я не знаю до сих пор, какой он в итоге. Хороший или плохой. Раньше для меня он всегда был хорошим, либо же я не видела в нем плохого, а опасное закрашивала своей еще детской наивностью, делая из бандита принца. Теперь же все смешалось, и нет только черно-белого. Есть серое, новое, неизведанное мной, пугающее и манящее одновременно, открыва-

ющее двери во взрослый жестокий мир.

Утром просыпаюсь от запаха свежих блинчиков. От голода сводит желудок, сперва мне даже кажется, что мне это снится, но запах продолжает доноситься из коридора, и, поднявшись с кровати, я осторожно подхожу к двери. Приоткрыв ее, понимаю, что запах летит из кухни, но я никогда не поверю в то, что Бакиров готовит сам.

Хуже того, я улавливаю женские приторные духи в доме, что заставляет насторожиться.

На часах семь утра, сегодня первое сентября, и моя учеба должна была уже начаться, но не начнется, ведь я никуда не поступила, а значит, исполнить обещание, данное маме, я не смогу, врачом не стану.

Когда добредаю до кухни, застываю на пороге, потому что у плиты вижу женщину, а рядом Бакиров сидит. На столе красная икра, кофе, какие-то закуски, неизменная пепельница. Михаил говорит по телефону, и я чувствую себя не то что лишней здесь, а просто... инородной какой-то. Я словно им помешала, пришла на завтрак, на который меня не звали.

– Это кто? – слова сами слетают с губ. Михаил поднимает на меня тяжелый взгляд. Кажется, он не ожидал меня увидеть. Я же смотрю на эту женщину. Высокая, фигурная. Лица не видно, она увлеченно жарит блины, а у меня все внутри сжимается в колющий противный комок. Она же его тут кормит, пока я сижу в комнате.

– Знакомься, Ангел. Это Любовь.

– Любовь? – переспрашиваю онемевшими губами. Он сюда любовь привел. А я тогда кто... вещьца.

Глава 12

– Михаил Александрович, можно просто тетя Люба. Здравствуйте. А вас как зовут?

– Ан... Лина.

Окидываю эту Любовь взглядом. Со спины она показалась мне более молодой, но ей будет лет пятьдесят, может, даже больше. С большой копной светлых, заколотых наверх волос и крепкой фигурой, эта женщина почему-то напоминает мне маму лет так через десять, если бы не умерла такой молодой.

– Линочка, садитесь. Я блинов напекла. С вареньем и сметаной. Вы такая худенькая, но ничего, это поправимо. Сейчас завтракать будете, я уже всего наготовила.

Сглатываю, смотря на эти блины. Рядом еще пирог сладкий стоит, запах такой, что аж голова кружится.

Боже, я голодная как зверь. Все бы тут съела, все до крошки. И пить хочется жутко, но даже не дергаюсь в эту сторону. Не буду я брать ничего с подачи Бакирова! Не дождется, чтобы я сломалась и просила у него еды.

– Я не...

Теть Люба подходит и ставит предо мной большую тарелку с блинами, обильно политыми вареньем, но я даже не успеваю вдохнуть их запах, потому что в следующий миг Михаил протягивает руку и отставляет от меня эту тарелку.

– Она не будет, – чеканит Бакиров, глубоко затягиваясь

сигаретой. Все окна закрыты, и я невольно вдыхаю запах табака. Глаза слезятся, першит в горле. Он это делает явно специально, чтобы увидеть, как я реву, и отпраздновать победу.

– Не будет? Почему?

– Никакого сладкого, пока не поест горячего.

– Хорошо, конечно. Линочка, я вам супа сейчас налью.

Только сварила. Гречневый, вкусный.

Теть Люба ставит предо мной тарелку супа, а я на Михаила смотрю. Он что-то пишет в блокноте телефона и курит, поглядывая на меня, а у меня кулаки от злости сжимаются. Он будет решать еще, что мне есть и когда. Неужто!

– Я не стану есть ваш суп, и ваши блины тоже! Я не собачка, которую нужно кормить по расписанию!

Отодвигаю от себя тарелки, вскакиваю со стола.

Теть Люба удивленно поглядывает на меня, а после на Бакирова, который даже бровью не ведет, продолжая себе спокойно курить.

– Ну... ладно. Может, позже. А вы, Михаил Александрович? Хоть что-то съешьте кроме кофе. Я столько всего наготовила. Старалась, между прочим.

Бакиров тушит сигарету, поднимается из-за стола, берет целую тарелку блинов и отправляет их вместе с пирогом в урну под возглас тети Любы:

– Вы что... Михаил Александрович!

– Свободны на сегодня. Наелись мы уже.

Михаил выдыхает дым через нос, сжимает сильнее четки

в руке и уходит, я два успеваю отшатнуться от него, обхватив себя руками.

И вот вроде я победила эту схватку, вот только урчащий, дико голодный желудок протестует против такой победы.

Сегодня не могу уснуть. Михаила не было дома весь день, и я не знаю, где он пропадает днями и иногда даже ночами. Клубом Толик заведует, а у Бакирова, как обычно, какие-то дела, в которые он меня не посвящает от слова совсем.

Охрана в доме создает давление, и пусть я не сижу за решеткой, но мне ясно дали понять на выходе, что указаний на мои самовольные прогулки хозяин не давал. Я как птичка в золотой клетке. Здесь все есть: еда и вещи, а еще Михаил дарит мне подарки. Все эти дни, когда я просыпаюсь, в комнате или под дверью стоят пакеты. Новая одежда, косметика, обувь, даже украшения нахожу. Золотой маленький браслет с цепочкой и безумно милые сережки в виде ангелочков с крылышками, но я даже не притрагиваюсь к этим подаркам, не то чтобы их носить. Мне кажется, что если возьму что-то от Михаила, то проиграю, сдамся, продамся, а мне это не надо, мне ничего не надо от него.

Теть Люба в доме работает как пчелка. Готовит, убирает, мягко просит меня поесть хоть что-то, но я ее не слушаю. Она работает на Бакирова, а значит, она с ним и против меня. Все против меня, и я не хочу быть куклой, которую Ми-

хаил просто одевает и кормит, которую выкинет сразу же, как только я ему надоем.

В спальне я редко сплю, потому что мне там некомфортно. Обычно я залезаю на диван в гостиной, там же и засыпаю, однако уже трижды после того я просыпалась в спальне на большой кровати, укрытая теплым одеялом, и я не знаю, каким образом я туда попадаю.

Может, я хожу во сне, хотя, конечно, вряд ли. Это Миша. Он меня на руках переносит в спальню и делает это каким-то таким образом, что я даже не просыпаюсь.

Сегодня же глаза сомкнуть не могу. Уже глубокая ночь, а Бакирова дома нет. Где он? С кем ночи проводит?

Что-то неприятно скребется в груди. Михаил меня не трогает, но никто не отменял того, что он взрослый здоровый мужчина со своими потребностями и... думать не хочу, но острые коготки скребутся в груди до крови.

У него может быть другая женщина, которую он ласкает и любит, которую целует, обнимает, с которой у него все то, что я хотела иметь с ним, и одно только предположение этого ранит похлеще пули.

Нет! Я не ревную, я вообще ревнивой никогда не была, но вдруг Михаил уже давно ласкает другую, а я так... отработанный материал?

Быстро вытираю слезы. Я грязная для него. После своих дружков Бакиров наверняка просто брезгует меня касаться. В этом дело. Другой причины быть не может, и я не отмою

это от себя. Боже.

Глава 13

Она снова улеглась спать на диване. Не знаю, чем ей комната не нравится, Ангел не говорит об этом, так же как и не принимает от меня подарки. Их мы складываем пирамидой у нее в спальне и под дверью, она даже не открывает их, а я бешусь. От безысходности, оттого, что я все поломал и оно теперь, сука, не склеивается.

Ангел херово спит. То по полночи кукует, сидит в комнате, то перелазит в гостиную, читая какие-то книжки, которые просит ей принести. Не у меня, конечно, у меня она ни хрена за все это время не попросила, у Любови просит, и та с моей помощью приволакивает ей целую библиотеку.

Она перестала есть, совсем, хотя в моем доме и не начинала. И все бы ничего, пусть бесится, проклинает, показывает характер, но Ангел еще не отошла от больницы, и я не знаю, какого хрена она ни черта не ест.

Не нравится кухня из клуба? Поменял. Не ест. Нанял кухарку. Готовит ей домашнее, свежее, лучшие продукты ей привозят, деликатесы заграничные. Ешь бери, так нет.

Сама уже, как стена, серая ходит, не смотрит на меня, не говорит. Мы даже, сука, не здороваемся утром!

Ангел приходит как тень и садится за стол молча. Опус-

кает сразу глаза, прячется от меня за графином обычно, а я бешусь. Оттого, что даже крикнуть уже на нее не могу. Она такая слабая и тихая стала, что кажется, еще немного – и моя девочка просто рассыпется на части, и я понимаю, что криком уже ни хрена не добьюсь. Хуже только сделаю, хотя куда уже, я, блядь, честно, не знаю.

У самого уже все отваливается, все болит, блядь, тошнит от голодухи. Сам слюной истекаю, видя результаты работы Любви, но хрен я что сожру, пока Ангел есть не начнет.

Это молчаливая война, и она меня просто добивает, но если Ангел думает, что я привык жрать каждый день деликатесы и буду подыхать без них, то сильно ошибается. Было время, когда мы с пацанами делили одну буханку хлеба на неделю, и ничего, никто не жаловался, так что нет, девочка, не с тем ты так тягаешься. Я знаю цену еде и куску хлеба, и я месяц могу не жрать, а ты должна.

– Что она ела сегодня?

– Чай попросила в обед. Взяла треть яблока, которое не доела. Все. Михаил Александрович, так нельзя, девушка же молоденькая. Ей кушать надо, витамины там, кальций, жиры. У нее так все системы в организме пострадают, и гормоны, и сердце. Это опасно для женщины. Да и вы такой же, взрослый человек.

Кулаки сжимаются, хочется крушить все вокруг. Блядь, ну что с ней делать, ну что?

– Алло, ну как вы? Как там Лина?

– Никак. Не ест ни хрена. Спит херово. Сидит в комнате как мышь, не выходит. У вас что? Нашли?

– Нет, ищем. В области мусорка нашего нет, квартиру бросил, но место свое не оставил, скорее всего попросил о переводе. Ищем, Бакир, я пока ничего не обещаю, и тут это, Шах звонил. Просил помочь. Там ребенка забрал один урод. Нужно быстро реагировать.

– Знаю. Дай ему людей. Все, что просит, дай.

– Кого? Стас поехал то кубло накрывать, Саня сможет, и наши пацаны тоже.

– Дамир и Руслан есть еще. Их возьмите.

– Дамир – да, еще куда ни шло, адекватный, но Руслан – это ж пиздец просто, а не пацан. Он борзый, как на равных, сука, говорит со мной, хоть еще щенок, по сути, зеленый. Там у них целое кубло, волчары дикие. Голодные такие, жадные, резкие, наглые оба. И ни хера они не боятся! Руслан этот уже выбесил меня! Я бы его не брал!

– Забыл, какой сам был десять лет назад? Бери их, накорми. Будут быковать – я сам с ними поговорю. Бояться меня не надо, меня надо уважать, а уважение еще заслужить надо. Отправь к Шаху, пусть помогут, проверишь заодно.

– С чего такая доброта вдруг?

– Тоха, блядь, думай наперед, у Шаха своя власть, и он мне еще пригодится.

Мне нужны союзники, потому что, потеряв своих парней, я должен встать на ноги. Никто за просто так ничего не делает, и я особенно.

На следующий день я, честно говоря, едва поднимаюсь с постели, потому что все кружится перед глазами, я не ела уже больше трех дней. Тетя Люба каждый день приходит и наготапливает на целый взвод, но еды я не касаюсь, ведь это еда Бакирова. Его, кстати, я вижу только по утрам, потом он сразу уезжает, и все это время мы пересекаемся только на завтраках, которые не едим. Оба.

Почему-то Михаил тоже ничего не ест. Мы просто сидим друг напротив друга за столом, ломящимся от еды. Такой вкусной и аппетитной, что я слюной захлебываюсь и стараюсь не смотреть на все эти пироги и котлеты, шоколад, бананы, апельсины... боже.

– Вы снова ничего не едите!

– Я... не голодная.

– Ну я не знаю уже, честное слово, чем вас кормить! Личночка, падать скоро будете. Как тростинка, тоненькая! Ну хоть что-то возьмите! Хоть пюрежку или котлетку. Ну хоть чаю сладкого попейте, фруктов! И вы тоже, Михаил Александрович, одними сигаретами своими да кофе сыты не будете!

– Спасибо, тетя Люб, все было очень вкусно.

Подрываюсь из-за стола, ничего не взяв, но замечаю, что Бакиров отвернулся. Задышал тяжело, закашлялся, за бок схватился.

– Ой, Михаил Александрович, вам плохо?

Тетя Люба подбегает к нему, наклоняется, а у меня дыхание спирает. Миша же тоже все эти дни не ел. Ему стало плохо. Из-за меня.

– Нормально мне.

А сам скривился, ухватившись за бок, и я невольно поджимаю губы. Сердце колет. Мне больно, когда ему больно. Мне прямо невыносимо. Ему нужно завтракать и есть, а не просто курить и пить кофе.

– Тетя Люб...

– Да, дорогая.

– Налейте мне супа, пожалуйста.

– Конечно! Сейчас.

Через секунду предо мной стоит большая тарелка супа, но смотрю я на Михаила. У него лицо стало бледным, и он все еще тяжело дышит.

– А вам, Михаил Александрович?

– То же, что и ей.

Так мы впервые завтракаем. Вместе. Он победил на этот раз, но я хотя бы не чувствую, что Михаилу больно, потому что, когда больно ему, больно и мне, и я не могу это объяс-

нить. Я это просто чувствую, и я не могу выносить, когда Михаилу больно, потому что его боль я чувствую сильнее собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.